

После того разговора они оба старательно избегали щекотливой темы. Эрвин всё так же лениво дремал в своем мобильном кресле, а Шлиффен с неиссякаемой энергией взялся за обустройство их скромного жилища.

Астрономическая станция мониторинга SWEEPS-98167[7] занимала от силы тысячу квадратных метров. Почти все помещения были забиты оборудованием или приспособлены под склады, так что спальня здесь имелась всего одна — её и занял Герс. Из прочих удобств на станции нашлись разве что душевая, кухня да крошечный закуток, выполнявший роль столовой.

Планета ютилась на задворках системы, вдали от согревающих лучей звёзд. Лишь во время сильных тектонических сдвигов язычковая трава начинала слабо светиться синевой — впрочем, настолько тускло, что этот свет можно было не брать в расчёт. По словам Эрвина, в одном из ангаров пылилась машина геологической разведки, и при желании лейтенант мог бы съездить на ней подальше, осмотреть окрестности.

— Подальше? — переспросил Шлиффен.

— Кроме язычковой травы здесь полно уникальной микробиоты — больше трех сотен видов...

— Спасибо, как-нибудь в другой раз, — лейтенант небрежно швырнул чип зажигания обратно в ящик стола.

— Но всего в трех километрах отсюда есть тектонический разлом с залежами гематита. Место потрясающее...

— Думаю, покрывала уже высохли. Пойду сниму, — оборвал его Герс и, шагнув за порог, прикрыл за собой дверь.

Антикварный робот Ивэнь тихо скрипнул суставами:

— Ему неинтересно.

— Да, я заметил, — вздохнул профессор.

За следующие двадцать часов лейтенант ухитрился вылизать станцию до блеска — от пола до потолка всё буквально сияло чистотой. Он навёл образцовый порядок на складе, рассортировав пакеты с сухой питательной смесью строго по сроку годности, прочистил водопроводные фильтры, проверил вентиляционные шахты и до последнего грамма выгреб вековую пыль из теплогенератора.

За это время Эрвин успел всласть выспаться в своем кресле целых три раза.

— Эй! Просыпайся! — Шлиффен наклонился над ним и звонко щелкнул пальцами у самого носа.

Профессор заворочался, с трудом разлепляя веки:

— М-м... До чего ты уже успел добраться?..

— Что это за хлам?

Герс кивнул на груды металлолома, которую перетащил из технических отсеков.

— Раньше станция служила базой для геологоразведки, — зевая, пояснил Эрвин. — Тут стояли анализаторы руды и простенькие телескопы. То, что ты притащил, — рамы из прочных сплавов, на которых крепилось тяжелое оборудование.

— Могу я пустить их в расход?

— Вообще-то, это собственность Федерации... Хотя кому какое дело. Думаю, можно, — ученый озадаченно почесал в затылке, не понимая, что задумал его невольный сожитель. — Но сначала я бы советовал тебе поспать. Ты на ногах уже почти сутки.

Шлиффен проигнорировал заботу и демонстративно закатал рукава:

— Хочешь посмотреть, как истинный Альфа голыми руками рвет железо?

— Это не железо, а сплав, — на автопилоте поправил профессор.

— Да ладно тебе... Это же шутка была.

— А, — сообразил Эрвин и вяло кивнул. — Ха-ха. Очень смешно.

Шлиффен сокрушенно вздохнул и потянулся к ящику с инструментами за электрорезаком.

— Да уж, — пробормотал он, откусывая кусачками крепеж. — Бьюсь об заклад, у Альф ты особой популярностью никогда не пользовался.

— В каком смысле?

— В Ассоциации академий соотношение полов идеальное — один к одному к одному. В таких условиях найти пару проще простого. Неужели ни один Альфа не пытался за тобой

приударить?

— Без понятия.

— Без понятия?

— Именно. Я никогда не обращал на них внимания.

— Это еще почему?

— Ну, они же не умеют рвать железо руками.

Герс невольно улыбнулся. Скосив взгляд на собеседника, он хмыкнул:

— Слышишь, док, это уже пахнет домогательствами.

— Вовсе нет. Я просто поддерживаю твою шутку, — Эрвин забавно моргнул своими темными глазами. — На самом деле Альфы в Ассоциации — в основном отставные военные, мужчины видные и солидные. Комитет по правам Омег обычно подбирает им лучшие партии в первую очередь. Но вот сами Омеги из научной среды для них — сомнительный выбор.

— Почему это?

— Да нас же на свидание не вытащить, — Эрвин прикинул в уме. — Взять хотя бы меня. Я привык работать часов по двадцать в сутки. Сон для меня — величайшее наслаждение, к тому же я неисправимый одиночка. Мысль о том, чтобы делить с кем-то быт, всегда казалась мне дикостью.

— Ну, сейчас-то ты живешь не один.

— И то верно! — Эрвин улыбнулся, постепенно перенимая манеру Шлиффена подначивать собеседника. — О такой компании любой Омега может только мечтать. Мало того что мой сожитель — крепкий Альфа, способный гнуть арматуру, так он еще и стихи почитывает на досуге. Романтика!

Герс выразительно закатил глаза.

— Работа тюремщика не сахар, особенно когда твой начальник — карьерист и самодур. Тюрьма Освальда изначально проектировалась на тридцать тысяч заключенных, а сейчас там маются почти сорок тысяч. Нас, надзирателей, не наберется и восьми тысяч, плюс двенадцать тысяч обслуживающего персонала. Работаем в три смены, выматываемся вусмерть. И ведь каждый

день приходится вариться в самом грязном человеческом отребье. Если не искать спасения в поэзии и прекрасном, можно запросто сойти с ума.

— Вот тут мне стало любопытно, — Эрвин с интересом посмотрел на него. — Неужели кто-то в твоей практике умудрился оказаться мрачнее, чем я — особо опасный преступник первой категории?

— Прежде чем я приведу пример, может, сам расскажешь, насколько ты «мрачен»?

Профессор на секунду задумался, подбирая слова:

— Скажем так: то, что я замышлял, находится далеко за гранью понимания большинства обывателей.

— Ловко ушел от ответа, — хмыкнул Герс, вновь принимаясь за разборку сплава. — Честно говоря, не будь ты преступником первой категории, я бы близко к тебе не подошел. Когда я только устроился в Освальд, по глупости и молодости частенько болтал с арестантами. Боже, каким же я был дураком. Пойми, Эрвин, «непонятый» и «мрачный» — это разные вещи. Мрачность — это уродство души. Есть люди, которые гнилы изнутри, до самого основания.

Судя по лицу ученого, тот отнесся к его словам со скепсисом.

Тогда Шлиффен решил зайти с козырей:

— Я отработал там чуть больше года, когда к нам привезли смертника. Приговор уже вынесли, казнь была не за горами. С виду — тишайший Альфа, вежливый, слова лишнего не выжмешь. Я не сдержал любопытства и заглянул в его личное дело. Угадаешь, что он натворил?

— И что же? — Эрвин заинтересовался.

— Он держал небольшую ферму на вполне цивилизованной планете. В сезон нанимал сезонных рабочих. За три года до его ареста батраки у него начали бесследно исчезать один за другим. В итоге кто-то донес в полицию, провели обыск и...

— Он их убивал?

— Хуже. Он их ел.

Эрвин брезгливо поморщился.

— И знаешь, что этот ублюдок заявил мне при встрече? — Герс картинно пожал плечами. —

Самое нежное мясо, говорит, на щеках. Срезать надо обязательно с живого, а потом быстро запечь на углях — тогда оно так приятно хрустит на зубах. Меня до сих пор наизнанку выворачивает, стоит вспомнить, с каким будничным лицом он это рассказывал!

Профессор молчал, его лицо заметно побледнело.

— А еще он прикончил собственную жену-Омегу. Просто приелись ему Альфы и Беты, захотелось экзотики попробовать. Если бы не Комитет по правам Омег, который вцепился в это дело мертвой хваткой и докопался до причин ее смерти, этот гурман до сих пор бы там развлекался. Так что тебе очень повезло, что ты выбрал необитаемую планету для своего уединения. Согласен?

Эрвин сглотнул, не в силах вымолвить ни слова.

— Эй, преступник первой категории, тебя сейчас вырвет. Ладно, давай сменим тему на что-то более веселое. Как насчет того, чтобы перемыть косточки начальству?

Ученый поспешно закивал, соглашаясь на любую альтернативу.

— Наш начальник, целый полковник, — из породы тех молодых да ранних, что так любят строить из себя героев. Говорят, его комиссовали с какого-то богом забытого фронта на окраине галактики. Видимо, тамошние лишения так глубоко въелись ему в подкорку, что он решил воссоздать окопный быт на нашем тихом острове в Освальде. Первым делом этот идиот велел убрать из дежурных помещений все стулья. На посту сидеть категорически запрещалось. Дежуришь в мониторинной — изволь отстоять на ногах все десять часов. Вдобавок он закрыл нашу единственную скромную библиотеку. Но и это полбеды. Самое ужасное — он обожает толкать пафосные речи, и у него жутко смердит изо рта!

— Наверняка это просто избыток агрессивных Альфа-феромонов, — вставил Эрвин.

«Вам ведь, Альфам, всегда претит чужой запах»

— Слушай, мы тут вообще-то начальство ругаем, — шутливо возмутился Герс. — Твоя душная логика ломает мне всю драму.

— Виноват, виноват. У него воняло изо рта! Продолжай.

— Вот именно. Этот громила, может, и впрямь способен гнуть рельсы, но во время утреннего развода казалось, что он готов разорвать нас на куски. А еще он постоянно сыпал цитатами маршала Йоханнеса Зекта.

Эрвин не выдержал и покатился со смеху:

— Ха-ха-ха! Йоханнес! О боже, ха-ха-ха!

— Ты знаешь маршала?

— Еще бы! О, его речи... Бесконечные, пафосные, полные самолюбования. Стоило ему открыть рот, как я тут же отключался. Когда мы впервые встретились, он, кажется, был еще девственником. Потом вроде как женился. Когда я узнал об этом, мне стало искренне жаль его супругу.

— Ну, сомневаюсь, что ей требовалось твое сочувствие. Всё-таки маршал чертовски хорош собой.

— Зато орет как резаный, — отмахнулся ученый. — Даже на нашего Председателя голос повышал. Налетит, брызжет слюной, лицо в лицо — со стороны посмотришь, кажется, они сейчас засосутся.

— Ого! Ты про Председателя Планка Вейля? Ты же говорил, что учился у него. Похоже, ты от него не в восторге.

— Да какой студент будет в восторге от своего профессора? Ты своих преподавателей любил? Хотя Планк, конечно, фигура монументальная. С виду такой утонченный интеллектual, вечно толкает речи о равноправии полов. Естественно, половина Омег в Ассоциации строила ему глазки. Но он оставался глух к любым амурам. Хранит целибат... да уже почти два века, если считать последние пятьдесят лет. Я в свое время даже помогал ему писать отказы на любовные письма.

— Письма от Омег? — Шлиффен округлил глаза от изумления.

— Ага. Тоннами слали. А я сидел и строчил вежливые отлупы. Рука отваливалась.

— Дьявол, ну и везунчик. Заставить одного Омегу отшивать толпы других Омег, — лейтенант вбил имя Председателя в поисковую строку терминала, и на экране появилось архивное фото Планка. — А он и правда красавчик, Эрвин!

— Если когда-нибудь свидимся, я обязательно передам ему твои слова. Можешь не благодарить. Но сейчас, дружище, мы болтаем уже вторые сутки. Даже двужильным Альфам нужно спать.

На этот раз Шлиффен спорить не стал. Он послушно отложил кусачки и потянулся:

— Ладно, уговорил. Сполоснусь в душе — и на боковую. Ты тоже завязывай со своим бдением.

— Обязательно, — Эрвин развернул кресло и поудобнее откинул голову на подголовник. — Доброй ночи.

— Спокойной.

Вскоре из глубины коридора донесся шум бегущей воды, а чуть позже хлопнула дверь спальни.

Убедившись, что остался один, профессор открыл глаза.

— Ивэнь, подключи меня к нейроинтерфейсу.

В темноте спальни тихо замерцал индикатор.

****[Зафиксировано колебание нейроэлектрического заряда]****

В сознании Шлиффена ожила встроенная система связи:

— Обнаружена активность, лейтенант, — бесстрастно доложил Оуэн.

Это и был тот самый улов, ради которого Герс весь день притворялся увлеченным плотником. Он незаметно демонтировал датчик микротоков в одном из приборов и встроил его напрямую в распределительный щит станции. Стоило Эрвину пропустить через общую сеть хоть каплю ментальной энергии, как биочип надзирателя мгновенно зафиксировал всплеск.

Шлиффен бесшумно поднялся с кровати.

— Оуэн, сможешь отследить направление сигнала?

— Увы, лейтенант. Установленный вами датчик способен лишь регистрировать сам факт колебаний. Направленный пеленг невозможен.

— И на том спасибо.

Герс подкрался к двери и прижался ухом к холодному металлу. За порогом царила абсолютная, звенящая тишина.

— Лейтенант, вы по-прежнему сомневаетесь в нем? — подал голос ИИ. — Значит, вся эта демонстративная дружба была лишь игрой?

— Я не могу найти его посадочный шаттл, Оуэн. Мой мех тоже испарился, а док уходит от этой

темы при каждом удобном случае. Такое поведение не назовешь искренним.

— Но вы ведь сами решили, что он не злодей.

— Люди — существа слишком сложные. Иногда те, кто творит зло, вовсе не считают себя негодяями.

— Лейтенант... вы действительно думаете, что он обрек вас на смерть?

— Скажем так: я сомневаюсь, что в его силах меня спасти. И я уже смирился с тем, что могу не вернуться. Сухого пайка на складе осталось года на три — вот и весь лимит моей жизни. Но пока это время не истекло, я хочу сам во всем разобраться. Понять, что именно он замышляет. Действительно ли его наука просто опережает время... или я заперт на этой чертовой скале с настоящим монстром. Зафиксируй время.

— Принято, — отозвался Оуэн.

На внутреннем интерфейсе высветились цифры:

[18 июня 7017 года по общему календарю, 16:24]

Околопланетное пространство Титана

В этот самый момент правительственный лайнер «Адлон», следовавший специальным рейсом военного ведомства, вышел на орбиту столичного Титана. До посадки оставалось двадцать минут. Корабль уже отключил гипердвигатель, сложил маршевые стабилизаторы и начал деактивацию внешних систем связи перед входом в тормозной коридор планетарного порта.

Анни, простившись с Каролиной, вернулась в свою каюту и устроилась в кресле декомпрессионной капсулы. Перед тем как погас индикатор терминала, она бросила взгляд на сидевшего напротив капитана Галина. Для закаленного Альфы перегрузки при посадке были сущим пустяком, поэтому офицер спал без задних ног, смешно приоткрыв рот.

Анни потянулась вперед и бережно застегнула на его груди страховочные ремни. Движение вышло мягким, почти машинальным.

Она еще не знала, что ровно через двадцать минут её, Галина и всю остальную планету ждет поистине незабываемый подарок.

<http://bllate.org/book/18311/1756270>